

ОРЕНБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ДЕПАРТАМЕНТ ПО КУЛЬТУРЕ И ИСКУССТВУ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ
ОРЕНБУРГСКИЙ ОБЛАСТНОЙ ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

РАННИЕ КОЧЕВНИКИ ВОЛГО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ
«РАННИЕ КОЧЕВНИКИ ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ В СВЕТЕ
НОВЕЙШИХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ»

21—25 апреля 2008 года

Оренбург
Издательство ОГПУ
2008

В. М. Клепиков, А. С. Скрипкин, И. В. Сергацков

г. Волгоград

ПРОХОРОВСКАЯ КУЛЬТУРА В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ: СТАНОВЛЕНИЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ

Проблема появления прохоровских памятников на Нижней Волге имеет обширную историографию. Накопление археологического материала дало возможность М. И. Ростовцеву связать с этнонимом «сарматы» конкретные археологические памятники Приуралья, а также наметить в границах раннего и позднего эллинизма основные периоды и хронологию сарматской истории (Ростовцев, 1918). Интенсивная раскопная деятельность в Нижнем Поволжье в 20—30-е гг. XX века имела своим результатом создание полноценной периодизации сарматской истории. Итоги этой работы отечественных археологов были подведены в статье Б. Н. Гракова 1947 года, где была представлена концепция преемственного развития культуры савромато-сарматских племен от Волго-Донского междуречья до Приуралья в четкой хронологической схеме. Именно в работе Б. Н. Гракова вторая ступень, савромато-сарматская (IV—II вв. до н.э.), получила эпонимный титул — прохоровская культура (Граков, 1947). В дальнейшем, это название использовалось в литературе для определения всех памятников указанного хронологического периода, пока М. Г. Мошковой не была предложена универсальная формула: раннесарматская (прохоровская) культура (Мошкова, 1974).

Возражая, В. П. Шилов разделил эти понятия, утверждая наличие двух групп памятников: прохоровской в южноуральских и раннесарматской в волго-донских степях (Шилов, 1975). Когда эта точка зрения не нашла поддержки среди исследователей, понятия «прохоровская культура» и «раннесарматская культура» фактически стали широко употребляться как равнозначные либо в совмещенном варианте: раннесарматская прохоровская культура. Конечно, эта терминологическая неопределенность вполне осознается исследователями (Железчиков, 1997, с. 43; Яблонский, 2007).

Возможно, выходом из терминологического тупика может стать сохранение за хронологическим интервалом названия «раннесарматский период», а за комплексом эталонных признаков, выделенных по материалам Прохоровки, сохранить название «прохоровская культура». Разумеется, это должен быть именно комплекс характерных черт. Если же в хронологических рамках раннесарматского периода мы наблюдаем иное сочетание признаков, то, видимо, нужно говорить о другой культуре, понимая саму условность этого термина, за которым стоит объединение памятников с набором определенных признаков, а не синоним какой-либо этнической группы. Видимо, правы украинские коллеги, аккуратно употребляя обозначение «раннесарматский период» (Симоненко, 1993), а не раннесарматская или, тем более, прохоровская культура для памятников на территории Северного Причерноморья.

Исходя из такого понимания, перечислим признаки, которые определяют так называемый «прохоровский» погребальный комплекс. Могилы представлены разными типами погребальных сооружений, среди которых вместе с простыми прямоугольными ямами большое распространение получают подбои, ямы с заплечиками, реже — катакомбы. Погребенные лежат на спине вытянуто, головой в южный сектор. Напутственная пища представлена, как правило, передней ногой барана с лопаткой.

Среди погребального инвентаря наиболее примечательными диагностирующими признаками традиционно считаются мечи с прямым перекрестием и серповидным навершием, зеркала с боковой ручкой-штырем и валиком по краю, курильницы, лепные горшки с орнаментом в виде так называемых «полотенец» из трех или четырех вертикальных полос на тулове, ряд других керамических форм, новых по сравнению с предыдущим временем. Клиновое оружие и колчан лежат обычно вдоль ноги погребенного, меч чаще всего справа (а не на поясе, как в савроматское время), а колчан слева. На раннем этапе обращают на себя внимание ямы с дромосом, прямоугольные могилы с диагональным положением костяка, а так-

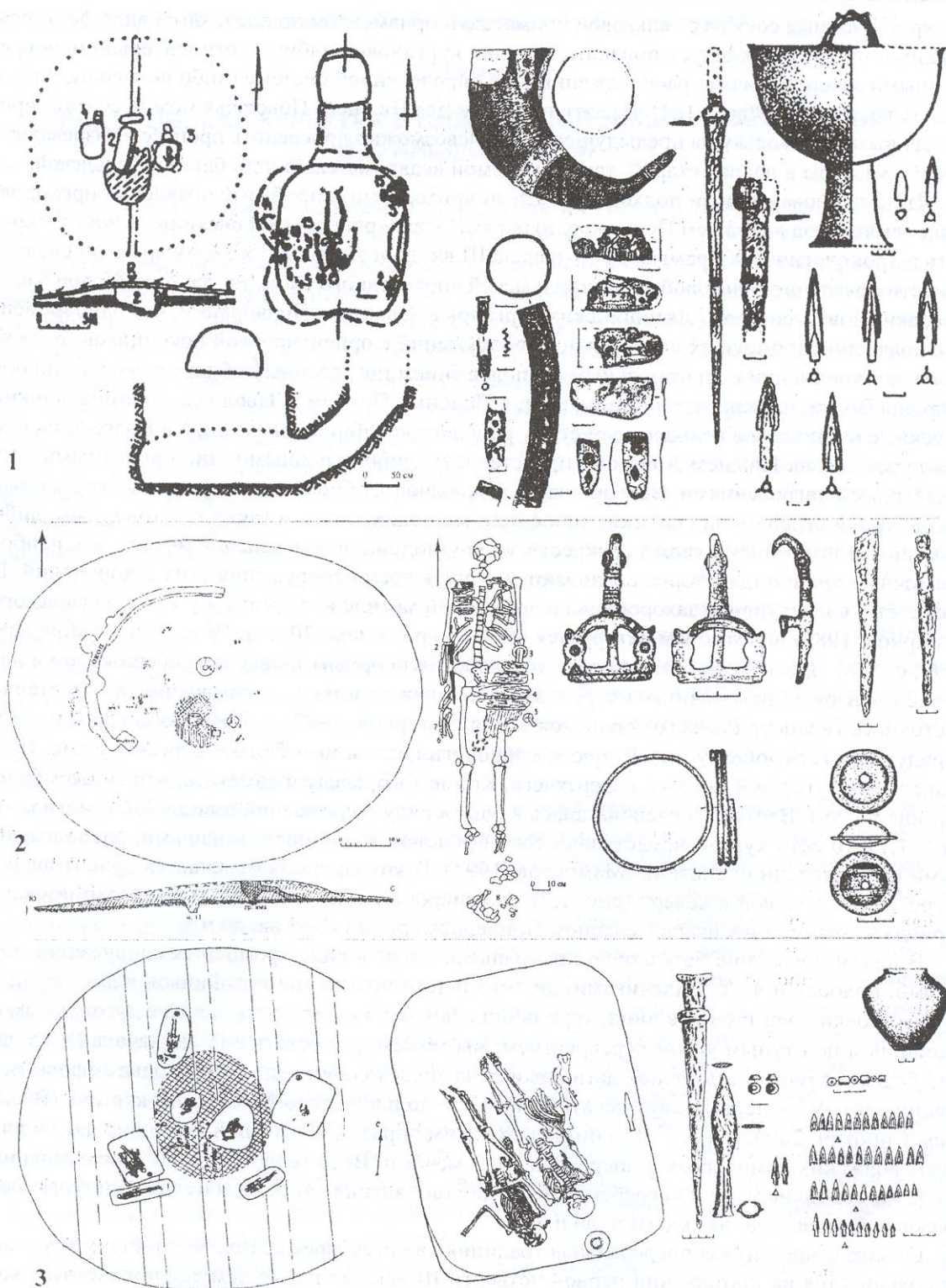
же круглодонные сосуды с тальковой примесью и орнаментом по плечикам в виде фестонов. Важным признаком следует признать наличие курганов-кладбищ с относительно одновременными захоронениями, расположенными в определенной системе (либо по кольцу, либо в ряд) (Скрипкин, 1990а, с. 184). Все эти признаки для Нижнего Поволжья можно считать привнесенными, поскольку на предыдущем этапе невозможно проследить процесс «вызревания» новой культуры в недрах старой, так называемой «савроматской» или блюменфельдской.

Иными словами, если подходить с этими критериями к проблеме появления прохоровских памятников в Нижнем Поволжье, то первый этап, «раннепрохоровский», можно датировать в хронологических рамках IV — начала III вв. до н.э. Именно к этому времени следует отнести появление тальковой керамики и мечей «переходного типа» из Эльтона, Новой Квасниковки, Новоузенских и Лятошинских курганов в Заволжье. Подчеркнем, что одновременное появление дромосных погребальных сооружений с ориентировкой покойников головой на юг и захоронений с диагональным расположением погребенных обнаруживаются по обе стороны Волги, на территории Калмыкии, в Подонье. Причем в Заволжье «диагональники» впускные и вписаны в кольцевую систему родового кладбища (рис. 1,3), а в Волго-Донском междуречье и на Нижнем Дону они представлены либо основными, либо впускными бессистемными погребениями. Вещевой комплекс включает бронзовые и железные втульчатые наконечники стрел, мечи скифских или синдо-меотских типов, а также с дуговидным, либо сломанным под тупым углом перекрестием, круглодонную керамику. Амфоры, как наиболее точные хроноиндикаторы, позволяют уточнить время сооружения этих захоронений. В частности, коллективное захоронение в дромосной могиле из кургана 4 у хут. Сладковского (Смирнов, 1982) по амфорам датируется 30-ми — перв. пол. 20-х гг. IV в. до н.э. (Монахов, 1999, с. 576). Здесь важно отметить не только южную ориентировку погребенных, но и наличие бронзовых наконечников стрел, зеркала, пряжки и блях, изготовленных из металла восточного (южноуральского) происхождения (Смирнов, 1982, с. 129). По погребальному обряду, сопутствующему инвентарю и хронологически к ним близки курганы у пос. Шолоховского, хуторов Кашеевка и Вертячего. Кроме того, следует заметить, что катакомба из кургана 6 у хут. Вертячего располагалась в одном ряду с дромосной и подбойной могилами (рис. 1,1), то есть курган представлял собой родовое кладбище с могилами, расположенными в определенной системе (Мамонтов, 1993). В это же время отмечается ориентировка погребенных головой к северу (рис. 1,2), сохраняющаяся на всех этапах раннесарматского периода и господствующая в Северном Причерноморье во II—I вв. до н.э.

В целом появление безусловно приуральских черт в виде дромосных сооружений, катакомб, подбоев и ям с заплечиками, диагонального положения покойников в яме, южной ориентировки, курганов-кладбищ, курильниц с боковым отверстием, мечей с дуговидным и сломанным под тупым углом перекрестием, мы можем датировать с IV до начала III вв. до н.э.¹ Редкая возможность точной датировки меча «переходного» типа по находке амфоры последних лет IV — первых двух десятилетий III в. до н.э. в Ново-Мусинском кургане (Васильев, Сиротин, 2004, с. 173—180) позволяет таким образом обозначить верхнюю дату и для нижневолжских комплексов с «переходными» мечами. Ведь теперь не вызывает сомнений тот факт, что такие мечи и погребения периода становления раннесарматской культуры продолжают бытовать до начала III в. до н.э.

Однако савроматская погребальная традиция на правобережье Волги, по-видимому, также сохраняется на протяжении первой четверти III века до н.э., о чем свидетельствует хорошо известный комплекс из Кривой Луки-VI с гераклеийской амфорой (Дворниченко и др., 1977, с. 67), датировка которой определяется по причерноморским аналогам 70-ми годами этого столетия (Монахов, 1999, с. 453—457, 517—519). Широтное положение скелета, часть туши барана и кость крупного домашнего животного (коровы?) в сочетании с ножом, рукоять которого была обложена костяными пластинками с резным орнаментом, позволяют связать этот комплекс с «савроматской» погребальной практикой.

¹ По-видимому, речь здесь идет именно о нижневолжском регионе (прим. ред.)

времени по всем основным элементам погребального обряда (Клепиков, 2002, с. 120—124). Тогда же исчезают такие черты раннепрохоровского комплекса, как дромосные конструкции, диагональное положение погребенных, тальковая керамика, мечи «переходных» типов, напутственная пища в виде части туши барана.

Характеризуя особенности погребального памятников III в. до н.э., следует отметить значительное увеличение количества одновременных захоронений под одной насыпью. Типы могильных ям представлены следующим списком: неширокие прямоугольные, подбойные, катакомбные, с заплечиками. Ориентировка в южный сектор в это время является основной. Весьма существенным представляется резкое увеличение числа погребений с гробовыми конструкциями. Часто подчеркивается воинский статус погребенных. Решающую роль в их экипировке играют длинные и короткие мечи, колчаны, значительно реже встречаются наконечники копий. Мечи приобретают стандартную форму, они имеют прямое перекрестие и серповидное навершие. В колчаных наборах часто встречаются вместе бронзовые и железные черешковые трехлопастные наконечники стрел, что существенно отличает их от наборов предшествующего и последующего времени (Рис. 2). Костяные пулевидные, трех- и четырехгранные втульчатые наконечники стрел мы ранее были склонны однозначно относить исключительно к IV в. до н.э., однако находки вместе с ними мечей с прямым перекрестием и серповидным навершием, дисковидных гешировых бус и стеклянных бус с внутренней позолотой позволяет использовать данную категорию вооружения для выделения памятников III в. до н.э. (Мышкин др., 2000, с. 76, 77). Начинают встречаться бронзовые зеркала с валиком по краю диска, костяные полированные проколки, лепная посуда с орнаментом в виде вертикальных пучков линий.

Погребальный обряд и сложившийся основной набор вещей в сарматских комплексах, свидетельствуют о завершении процесса становления новой культуры в Нижнем Поволжье. Причем в этот период стираются различия между раннесарматскими комплексами Нижнего Поволжья и Южного Приуралья. Основная масса погребений этого времени обнаруживается в Заволжье, остальные располагались преимущественно вдоль правого берега Волги (курганские могильники Кривая Лука, Старица, Соленое Займище). Археологическая ситуация на Нижнем Дону и, видимо, какой-то части волго-донского междуречья была несколько иной. Исследователям здесь не удастся убедительно выделить памятники III в. до н.э. (Глебов, 2004, с. 127, 128). Возможно, что в этом районе ситуация была близка той, которая сложилась на большей части Северного Причерноморья. Но на Волге и в Южном Приуралье сарматские погребения III — начала II в. до н.э. выделяются достаточно хорошо.

Сравнительный анализ раннесарматских памятников III — начала II в. до н.э. и следующего периода — II—I вв. до н.э. свидетельствует о том, что основные тенденции погребального обряда сохраняются на протяжении всего этого времени. В заключительной фазе раннесарматской культуры все погребения из числа узкодатированных оказались впускными. Ведущие типы ям остались прежними: узкие прямоугольные и подбойные, погребенные по-прежнему ориентированы головой в южный сектор. Однако можно отметить и новые явления. Так, наряду с преобладающей южной ориентировкой костяков, значительно увеличивается северная, распространяются погребения в колодах, в могилах отмечены находки колес от повозок. В вещевом материале, с одной стороны, продолжают бытовать прежние типы: мечи с серповидным навершием, зеркала с валиком по краю диска, костяные полированные проколки, восьмерковидные бронзовые пряжки; с другой — появляется целый ряд категорий находок, ранее неизвестных в сарматских памятниках: бронзовые ажурные поясные пряжки и пряжки из гагата, длинные мечи без металлического навершия и с ромбическим перекрестием, фибулы, металлические и костяные «ложковидные застёжки». Более широко начинают распространяться мечи с кольцевым навершием (Рис. 3). Если в сарматских памятниках III — начала II в. до н.э. находки такого типа меча единичны, то в погребениях II—I вв. они известны уже хорошо.

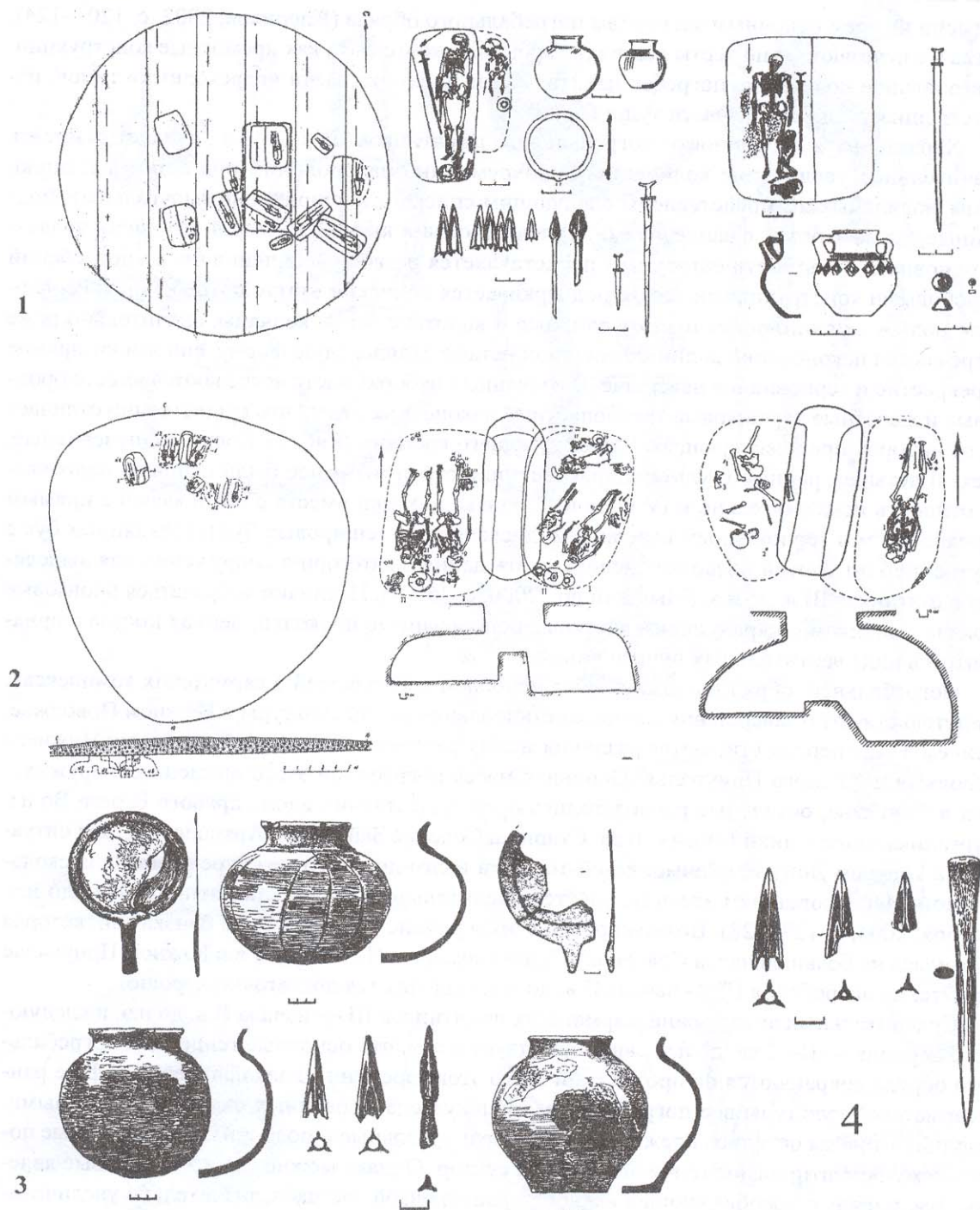

Рис. 2. Памятники III — начала II в. до н.э. в Заволжье и на правобережье Волги:
1 — Венгеловка, курган 2, погребения 9 и 10; 2 — Старица, курган 42, погребения 2, 3 и 5, 6; 3 — вещи из погребений 2, 3; 4 — вещи из погребений 5, 6.

Накопление археологического материала к началу 80-х годов прошлого века позволило одному из авторов статьи обосновать новую дату конца раннесарматской культуры, отодвинуть ее к рубежу эр, а в дальнейшем на нижневолжском материале выделить серию памятников, датируемых II—I вв. до н.э. Хронологическими реперами для датировки этих памятников являлись фибулы, импортная металлическая и керамическая посуда, а также

группа вещей, неизвестных в более ранних сарматских погребальных комплексах, свидетельствующих о восточных связях населения заключительного этапа раннесарматской культуры (Скрипкин, 1989, с. 155—156; 2000а, с. 137—149; 2000б, с. 17—40).

Вообще, сам характер датирующих вещей определяет одну из основных особенностей всего выделенного пласта сарматских памятников этого времени. Фибульный материал, металлургической и определенный тип керамической посуды свидетельствуют о северопричерноморских и более западных связях сарматского населения Нижнего Поволжья. Серия же мечей с явным влиянием китайской традиции в их оформлении, поясных пряжек, находящихся аналогии в центральноазиатских памятниках, говорят о далеких восточных контактах. Специфика этого периода связана с изменением исторического контекста по сравнению с предшествующим временем, особенностью которого являлись массовые передвижения кочевых группировок от границ Китая до Северного Причерноморья. На большом пространстве происходит изменение этнической номенклатуры: в Средней Азии появляются юечжи и усунь (китайские источники), асии, асианы, тохары, сакаравлы (античные источники); в восточноевропейских степях аорсы, сираки, роксоланы (античные источники). Карта распространения сарматских памятников значительно сдвигается к западу, достигая Днепра, причем территорию между Доном и Днестром в это время занимают роксоланы (Страбон), ранее здесь не известные. Все эти факты свидетельствуют о том, что в этническом отношении сарматы II—I вв. до н.э., вероятно, отличались от своих предшественников.

Мы не будем здесь обосновывать датирующие возможности хроноиндикаторов этого периода — они были неоднократно изложены в вышеуказанных работах А. С. Скрипкина, а также в совместных работах А. С. Скрипкина и В. М. Клепикова (Клепиков, Скрипкин, 2002, с. 47—81; Скрипкин, Клепиков, 2004, с. 95—106). Остановимся на археологической характеристике сарматских нижеволжских памятников II—I вв. до н.э. с позиции отличия и сходства с раннесарматскими памятниками IV—III вв. до н.э. Нами уже неоднократно отмечалось, что приводимые даты, разграничивающие отдельные периоды раннесарматской культуры, в определенной мере условны, имются в виду не абсолютные, а относительные даты. Поэтому мы не исключаем, что начало рассматриваемого периода может относиться к середине II в. до н.э. или его второй половине.

Основными отличительными признаками нижеволжских памятников II—I вв. до н.э. в погребальном обряде является увеличение северной ориентировки погребенных, причем отмечается ее нарастание от Нижнего Поволжья к Северному Причерноморью, где она занимает ведущие позиции (82,9%) (Симоненко, 1999, с. 7). Появляются погребения в деревянных колодах, причем колода из погребения 12 кургана 3 у пос. Рыбный (рис. 3,2) обнаруживает полные аналогии в одновременных памятниках Тувы, к тому же в них совпадают и ориентировки погребенных (Скрипкин, 2000б, с. 26 Рис. 5). Новыми явлениями в материальной культуре этого периода следует считать распространение некоторых типов клинкового оружия: в первую очередь мечей и кинжалов с кольцевым навершием, а также длинных мечей с небольшим ромбическим перекрестием, иногда изготовленным из бронзы, и длинной ручкой без металлического навершия (рис. 3,3). Появление мечей с кольцевым навершием в сарматских памятниках, на наш взгляд, связано с влиянием центрально-азиатской культурной традиции (Скрипкин, 2005, с. 171—185). Длинные мечи с ромбическим перекрестием являются дериватами ханьского клинкового оружия (Скрипкин, 2000б, с. 17—21, Рис 1,2). Не ранее II в. до н.э. в сарматских погребениях начинают встречаться бронзовые ажурные поясные пряжки, иногда по две в одном погребении, с изображением лежащего верблюда или сцены терзания хищником верблюда, заключенных в рамку (рис. 3,3). Аналогичные пряжки известны в находках Средней Азии. Истоки этих сюжетов, как и формы самих пряжек, уходят в енисейские, забайкальские и северокайтские древности. Аналогии из тех же мест обнаруживает и оригинальные гагатовые поясные пряжки, найденные в курганных погребениях у ст. Жутово Волгоградской области и у с. Питерка в Саратовской области. В последнем случае эта пряжка найдена вместе с так называемой решетчатой бронзовой пряжкой,

известной по находкам на Енисее. В это же время появляются миниатюрные копии котлов, ложковидные застёжки из кости и металла, также известные в отмеченных восточных районах (Скрипкин, 2000б, с. 24, 25). Хронологическим признаком и свидетельством наличия западных связей сарматов в этот период времени являются находки в погребениях фибул среднелатенской конструкции и раннего типа лучковых фибул, ранее не употреблявшихся, а также, в небольшом количестве, импортной металлической посуды.

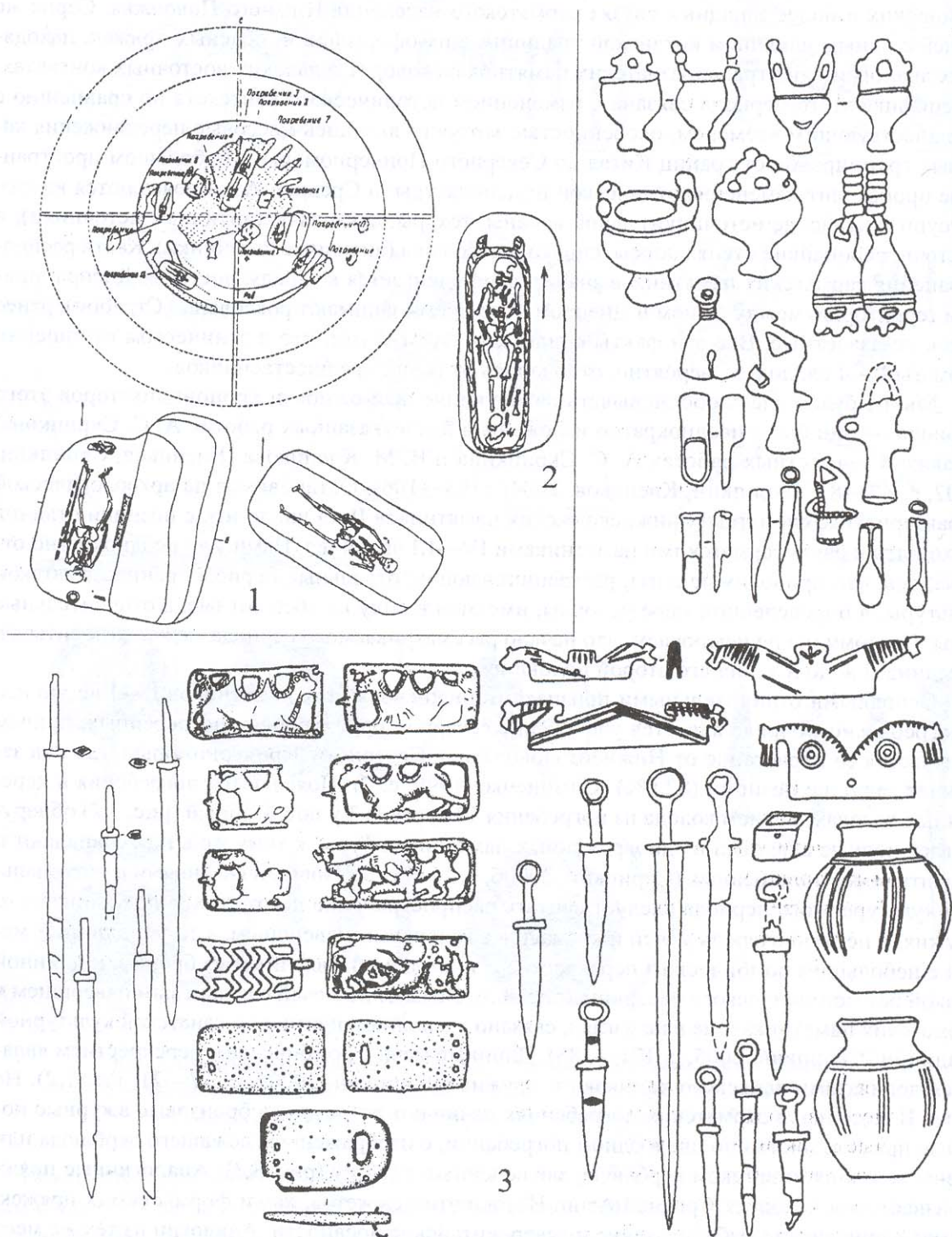

Рис. 3. Памятники и вещи из погребений II—I вв. до н.э.: 1 — Политотдельское, курган 20 и погребения из него; 2 — Рыбный, курган 3, погребение 12; 3 — восточные инновации II—I вв. до н.э. в сарматских памятниках.

Наряду с перечисленными новациями в сарматских нижеволжских памятниках II—I вв. до н.э. продолжают сохраняться культурные традиции предшествующего времени как в погребальном обряде, так и в вещевом материале. Ведущими типами погребальных ям остаются прямоугольно-удлиненные и подбойные конструкции. Сохраняется преобладание впускных погребений над основными, причем, как правило, с расположением их по кругу под насыпью кургана, что было характерно и для более раннего времени (рис. 3,1). В Нижнем Поволжье при наличии северной ориентировки погребенных по-прежнему доминирует ориентировка в южный сектор. Среди вещей основным типом зеркал остаются бронзовые зеркала с валиком по краю и штырем для насадки ручки. Продолжают бытовать мечи и кинжалы с серповидным навершием, костяные проколки, глиняная посуда, украшенная пучками вертикальных полос, железные черешковые наконечники стрел, теперь, как правило, встречаемые без бронзовых наконечников. Спецификой этого периода является встречаемость в одном погребении мечей и кинжалов с серповидным и кольцевым навершиями, что как бы символизирует совмещение старых традиций с новыми элементами культуры.

Таким образом, рассматриваемый хронологический пласт сарматских комплексов в Нижнем Поволжье выявляется достаточно хорошо. Отчетливо характеризуется и его культурно-историческая специфика. Исследователями отмечалось, что этот период представлен в основном в Нижнем Поволжье, и практически отсутствуют памятники этого времени в Южном Приуралье. Нами в свое время на нижеволжском материале было выделено около сорока комплексов с достаточно обоснованной датой II—I вв. до н.э., причем обращалось внимание на тот факт, что датированные погребения располагались в курганах с кольцевой планировкой других погребений, не имеющих точной даты, но стратиграфически принадлежащих к тому же времени. Это в несколько раз увеличивает количество нижеволжских погребений II—I вв. до н.э.

В Южном Приуралье к позднепрохоровскому этапу обычно относят памятники типа Старые Кишки и Бишунгарово (Садыкова, Васильев, 2001, с. 55—68). Если считать, что эти памятники характеризуют завершающий этап прохоровской культуры в Южном Приуралье, то в Нижнем Поволжье к завершающему этапу относятся охарактеризованные выше погребальные комплексы. В таком случае между ними существует значительная разница и в культурном и хронологическом отношении.

Нам представляется, что старокишкинские комплексы, как и бишунгаровские, относятся ко времени сложившейся прохоровской культуры, ее расцвету. Полагаем, что эти памятники хронологически предшествуют выделенным нами сарматским погребениям II—I вв. до н.э. и датируются III, возможно, второй половиной или какой-то частью II в. до н.э. В это время еще не ощущается диспропорции между южноуральским и нижеволжским регионами в распространении раннесарматских памятников. Возможно, на Южном Урале они еще преобладают по сравнению с Нижним Поволжьем, поскольку только в семи курганах у деревни Старые Кишки их находилось 124.

В настоящее время можно говорить о выделении и в Южном Приуралье сарматских погребальных комплексов, синхронных нижеволжским, датируемых II—I вв. до н.э. Предварительно об этом уже писал В. Н. Васильев, отметив, что к указанному времени следует отнести несколько погребений из курганных могильников Увака, Мечет-Сая и погребение из Ново-Калкашева (Садыкова, Васильев, 2001, с. 68). Эта выборка, видимо, должна быть несколько шире. Не претендуя на исчерпывающую полноту, в нее можно добавить погребение 7 из кургана 3 Чкаловской группы в Оренбургской области, в котором был найден длинный меч с ромбическим перекрестием без навершия. Ко II—I вв. до н.э. следует относить комплексы, в которых вместе обнаружены длинные мечи с кольцевыми навершиями и кинжалы с серповидными навершиями. Таковыми являются погребение 6 и 9 из кургана 7 курганного могильника Барбастау III. В Нижнем Поволжье таких сочетаний клинкового оружия в погребениях встречается гораздо больше, чем в Приуралье, причем в одном случае они обнаружены вместе с фибулой среднелатенской схемы (Рыбный, к. 3. погр. 12). Следует отметить

также, что в погребениях с упомянутыми разнотипными мечами и кинжалами часто встречаются стрелы (колчанные наборы), состоящие исключительно из трехлопастных черешковых наконечников стрел¹, что также отражает их хронологическую позицию, поскольку для комплексов III в. до н.э. наиболее характерно сочетание железных и бронзовых наконечников. Кстати, в курганах у деревни Старые Кишки в целом ряде погребений отмечены находки однотипных мечей и кинжалов с серповидным навершием в сопровождении железных и бронзовых наконечников стрел, что может свидетельствовать о более раннем их времени (Садыкова, Васильев, 2001, с. 55—80).

Ряд погребений II—I вв. до н.э. был открыт в Покровских курганах, активно исследовавшихся в 90-е годы прошлого века экспедицией под руководством Л. Т. Яблонского, в Шумевских курганах, исследованных в начале нынешнего века экспедицией, руководимой Н. Л. Моргуновой. Мы не ставим задачу выявления всех памятников рассматриваемого периода в Южном Приуралье, а только обращаем внимание на тот факт, что поздний хронологический пласт памятников, в которых еще сохраняются традиции раннесарматской культуры, представлен и в южноуральском регионе. В этом плане интересно погребение 5 из кургана 2 могильника Ново-Калкашево, находящегося в Башкирии, которое по погребальному обряду и вещам одинаково с нижеволжскими комплексами II—I вв. до н.э. Это погребение впускное, сооружено в продолговатой яме с северной ориентировкой костяка, вместе с которым были найдены железные черешковые трехлопастные наконечники стрел и бронзовая ажурная пряжка с фигуркой лежащего верблюда, являющаяся точной копией нижеволжских пряжек (Акубулатов, 1998, с. 122. Рис. 5).

Таким образом, можно констатировать, что сложившийся к III в. до н.э. в Нижнем Поволжье классический раннесарматский комплекс сохраняет основные элементы погребальной традиции вплоть до конца I в. до н.э. В то же время необходимо обратить внимание на целый ряд инноваций, зафиксированных начиная со II в. до н.э., что и определяет специфику раннесарматских комплексов II—I вв. до н.э.

Сарматские памятники этого времени в Нижнем Поволжье свидетельствуют о налаживании связей его населения с Причерноморьем и Северным Кавказом. В II—I вв. до н.э. существенно меняется этнополитическая ситуация в евразийском степном поясе. Сарматы занимают территорию до Днепра. Наличие в погребениях Нижнего Поволжья и Подонья вещей и отдельных черт обряда, типичных для восточного ареала кочевого мира (Скрипкин, 2000б), в сочетании с данными антропологии (Балабанова, 2000) может свидетельствовать о продвижении на запад отдельных групп кочевников, которые расселились по Нижней Волге и Дону, соседствуя или смешиваясь здесь с прежним раннесарматским населением. С этого времени исторические процессы в евразийских степях становятся динамичнее. Взаимосвязь событий начинает носить более глобальный характер, охватывая все степное пространство от Китая до Причерноморья. И, видимо, давление кочевников с востока, начавшееся со II в. до н.э., способствовало занятию сарматами к началу I в. н.э. всего Северного Причерноморья, вплоть до Дуная.

Выделение трех последовательных этапов раннесарматского периода в Нижнем Поволжье свидетельствует об отсутствии какого-либо хронологического hiatus на всем протяжении ее существования. Однако признание этого тезиса отнюдь не означает сугубо эволюционного, автохтонного ее развития. В истории материальной культуры ранних сарматов прослеживается как преемственность между различными категориями вещей, так и появление совершенно новых типов, не связанных с местной традицией. Антропологические материалы свидетельствуют о многокомпонентности как формирования, так и последующей истории раннесарматского населения.

Сформировавшийся во II в. до н.э. — скорее всего, в его середине — комплекс завершающего этапа раннесарматской культуры просуществовал в полном объеме до рубежа эр. Но целая серия погребений Нижнего Поволжья с традициями прохоровской культуры может

¹ По-видимому, речь здесь идет о железных наконечниках (Прим. ред.).

датироваться и началом I в. н.э., (Скрипкин, 1990б, с. 115; 1992. С. 4—9; Сергацков, 1995; 2000а, с. 164—167; 2000б, с. 113—118). В это же самое время, в начале I в. н.э. происходит становление среднесарматской (суловской) культуры. Какое-то время, видимо, на протяжении первой половины I в. н.э. обе традиции сосуществовали в отдельных курганных могильниках. При этом раннесарматские традиции затухали и к середине I в. сменились под влиянием новой культурной парадигмы, нашедшей свое выражение в среднесарматском археологическом комплексе как в погребальной обрядности, так и в вещевом материале.

Насколько кардинальными были эти изменения, насколько трансформированы и подавлены были традиции раннесарматской эпохи? Достаточно ясный ответ на этот вопрос дает сравнение основных параметров обеих культур. Приведем еще раз некоторые данные статистического анализа массивов памятников III—I вв. до н.э. и I — первой половины II в. н.э., которыми оперировал один из авторов в своей недавней статье (Сергацков, 2006, с. 41—43).

Суммарная характеристика основных данных погребального обряда всего массива памятников III—I вв. до н.э. Доно-Уральских степей выглядит следующим образом:

Основные погребения составляют 3,4% от общего количества комплексов, впускные — 96,6%. Наблюдается безусловное преобладание так называемых курганов-кладбищ с различной планировкой погребений в них (концентрическое расположение — 44,7%, в ряд — 12,1%, бессистемное — 40,5%). Ведущим типом могильных ям являются подбои — 24,2%, в насыпи — 20,3%, средние прямоугольные — 17,8%, широкие прямоугольные — 10,2%, квадратные могилы отсутствуют. В ориентировке погребенных явно преобладает южный сектор — 41,9%. В расположении умерших в могиле абсолютно преобладает положение погребенного по ее оси — 50,8%. По диагонали — 0,3%, но при этом классических диагональных погребений среди позднепрохоровских памятников нет (Скрипкин, 1997б, с. 179—186).

В среднесарматское время, безусловно, преобладают захоронения под индивидуальными насыпями — 66,08%. Явно доминирует центральное положение погребения под курганной насыпью — 60,12%. Среди могил наиболее многочисленны подбои — 16,34%. Далее следуют квадратные — 15,93%, широкие прямоугольные — 14,9% и средние прямоугольные ямы — 15,21%. Катакомбы в небольшом количестве известны только в могильнике Новый на Нижнем Дону. В ориентировке погребенных, как и предшествующее время, преобладает южный сектор. В расположении умерших в могиле превалирует размещение их по ее оси — 53,75%. По диагонали — 16,34%¹. Помимо прочего, значение признака «огонь в погребальном обряде» в среднесарматских памятниках в два раза больше, чем в позднепрохоровских (Сергацков, 2002, с. 89—97). Перечисленные признаки являются имманентными, всеобщими. Сравнение удельного веса признаков погребального обряда ранне- и среднесарматской культур и иерархии их по степени информативности выявило как сходство их между собой, так и различия. Количество признаков, преодолевших пороговое значение, у среднесарматских памятников оказалось больше, чем у раннесарматских. У целого ряда признаков, в первую очередь частных, их удельный вес оказывался очень близким или просто одинаковым. С другой стороны, наблюдаются и весьма существенные различия. Например, признак «фрагмент зеркала в погребении» в раннесарматских памятниках имеет сравнительно высокое значение, а в среднесарматских — признак «зеркало» вообще не преодолел порогового² барьера. В то же время признак «золотые бляшки»³ в среднесарматской культуре обладает значимым удельным весом, а в раннесарматской — не вошел в число отобранных признаков. Но главное отличие состоит не в этом, а в иерархии распределения признаков в том и другом списках (Скрипкин, 1997, табл. 2; Сергацков, 2002, табл. 2). Они различны по этому показателю, что само по себе симптоматично и свидетельствует о существовании двух разных традиций в погребальной обрядности обеих культур, что и обуславливало приведенные ранее отличия.

¹ Скорее всего, эта цифра должна быть значительно больше, так как большое количество погребений в квадратных ямах, вероятно, бывших диагональными, полностью разграблено и положение умерших в них не установлено.

² По-видимому, статистически достоверного (Прим. ред.).

³ Не ясно, какие именно предметы подразумеваются под названием «бляшки» (Прим. ред.).

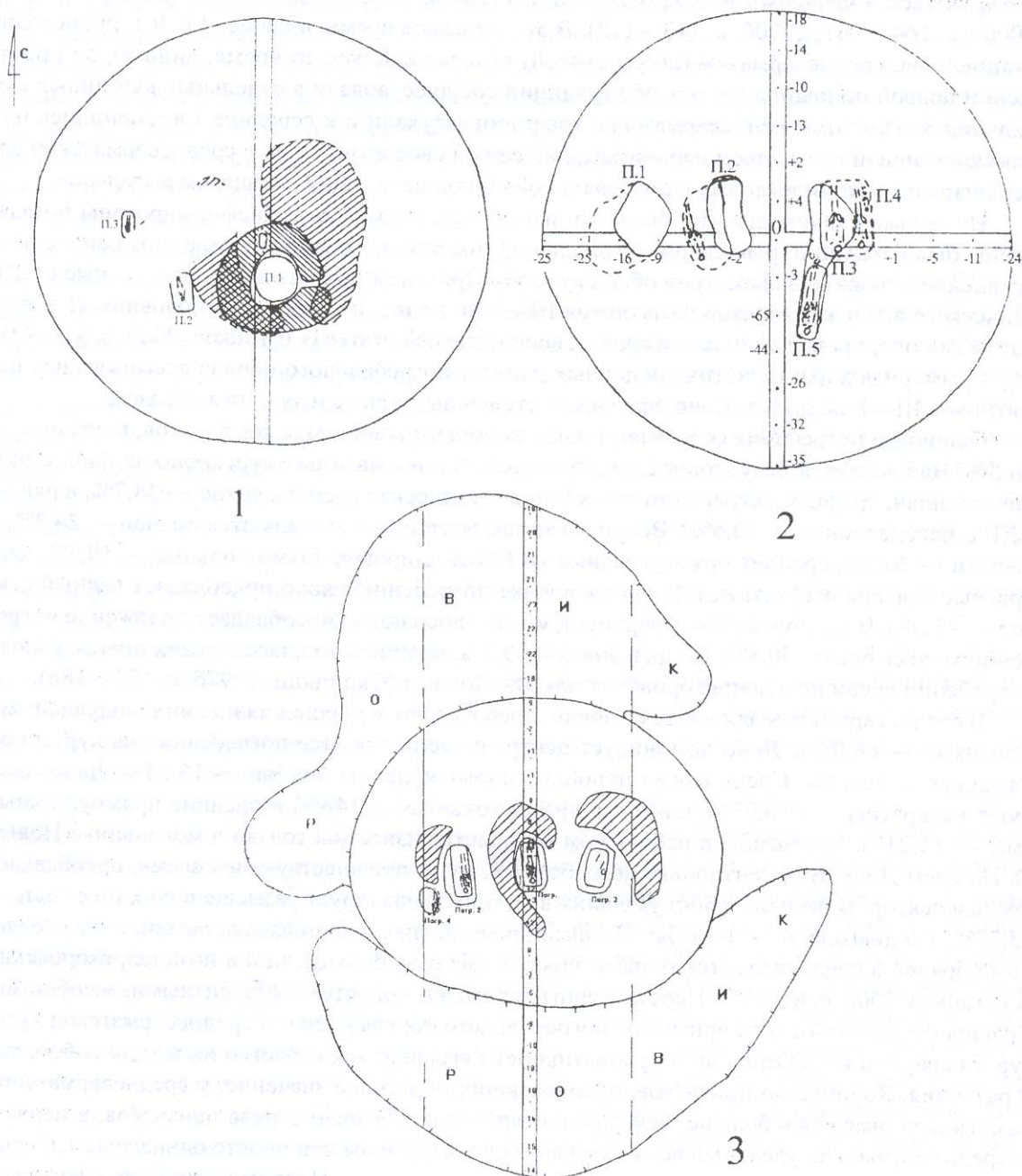

Рис. 4. Планы курганов: 1 — Бердия, курган 8; 2 — Перегрузное I, курган 33; 3 — Аксай II, курган 37.

Сравнение значений основных признаков погребального обряда ранне- и среднесарматской культур ясно показывает весьма значительную разницу между ними при наличии сходства по целому ряду параметров. Это сходство может объясняться вероятным существованием общесарматских традиций у населения Доно-Уральских степей во II в. до н.э. — II в. н.э. и наличием на начальном этапе среднесарматской культуры пережиточных норм погребальной обрядности, составлявших ранее культурный стереотип раннесарматской эпохи.

Весьма интересно и показательно сохранение в некоторых среднесарматских курганах планиграфии погребений, очень напоминающей размещение захоронений в раннесарматских курганах-кладбищах. К числу таких памятников можно отнести курган № 8 могильника Бердия на Иловле (Рис. 4.1). Еще более выразительную картину дают некоторые могиль-

ники бассейна Есауловского Аксая в южной части Волго-Донского междуречья. Довольно интересная ситуация отмечена в кургане № 10 могильника Перегрузное I. Диагональное среднесарматское погребение № 3, впускное в курган (случай довольно редкий!) замыкало дугу раннесарматских погребений II—I вв. до н.э., расположенных вокруг центра кургана в духе традиций раннесарматской культуры (Клепиков, Шинкарь, 2004, с. 134—135, рис. 1,1). Практически идентичны друг другу планиграфия погребений в курганах № 33 в могильнике Перегрузное I и в кургане № 37 могильника Аксай II (раскопки В. М. Клепикова 2004 г. и А. Н. Дьяченко 2006 г. соответственно). В первом из них раннесарматские погребения, основное из которых датируется зарубинецкой бронзовой фибулой не позже середины I в. до н.э., были расположены в ряд (Рис. 4,2). Наряду с кольцевой или дуговидной планиграфией такое расположение погребений под курганной насыпью составляет одну из специфических особенностей раннесарматской культуры (Скрипкин, 1997, с. 183). Точно так же располагались четыре погребения в кургане № 37 могильника Аксай II, которые безусловно принадлежат к среднесарматской культуре и датируются I в. н.э. (рис. 4,3).

В массовом количестве курганы-кладбища с несколькими относительно одновременными захоронениями под одной насыпью зафиксированы в могильниках Новый, Арбузовский, Криволиманский на Нижнем Дону (Ильюков, Власкин, 1992, с. 30—154).

Иногда удивительные параллели наблюдаются при сравнении даже отдельных комплексов. В погребении 2 кургана № 2 могильника Аксай I, совершенного в катакомбе с камерой в торцевой стенке, отмечено весьма характерное для раннесарматских комплексов сочетание длинного меча с коротким кинжалом. Меч представляет собой дериват китайских образцов клинкового оружия, он имеет короткое прямое перекрестье, длинную штыревидную рукоять, увенчанную маленьким грибовидным навершием. Кинжал традиционного раннесарматского типа — он имеет серповидное навершие. В среднесарматском погребении 1 (также впускном, как и в кургане № 1) кургана № 6 этого же могильника зафиксировано точно такое же сочетание меча с кинжалом, но кинжал имел кольцевое навершие (Дьяченко и др., 1999, с. 94—98, Рис. 2, 3, 6, 7). Точно такое же сочетание меча с кинжалом, как и в последнем случае, отмечено в погребении 2 уже упоминавшегося кургана № 37 могильника Аксай II.

В приведенных примерах, на наш взгляд, со всей очевидностью проявляется линия межкультурной преемственности, генетическая связь между ранне- и среднесарматской культурами на раннем этапе последней.

Комплекс вещевого материала среднесарматской культуры был весьма подробно охарактеризован А. С. Скрипкиным. Его списки вещей № 2 и 3 являются маркирующими ее признаками как в культурном, так и в хронологическом отношениях (Скрипкин, 1990а, с. 172—179, Рис. 49, 50). Бесспорно, весь вещевой комплекс в целом обладает своеобразием, в то же время в нем хорошо просматривается и наследие предшествующей эпохи: некоторые типы глиняной лепной посуды, ее орнаментация, цилиндрические курильницы, простые дисковидные зеркала небольшого диаметра, мечи и кинжалы с прямым перекрестием и кольцевидным навершием, большинство типов наконечников стрел, «ложковидные» оконечники ремней и некоторые другие материалы. Отмеченные категории вещей являются составными элементами вещевого комплекса заключительного этапа раннесарматской культуры II—I вв. до н.э. Однако они не известны в предшествующее время и появляются в сарматских памятниках во II в. до н.э. вместе с другими новациями: бронзовыми ажурными пряжками в зооморфном или геометрическом стиле, гагатовыми пряжками, миниатюрными копиями бронзовых котлов, луков с колчанами, костяными навершиями гребней, дериватами китайских мечей с длинными рукоятками без навершия и с прямыми или ромбовидными перекрестиями. Вероятнее всего, они имеют восточные истоки (Скрипкин, 2000, с. 17—40). Да и ставшие традиционными для среднесарматской культуры мечи с кольцевым навершием, видимо, появляются у ранних сарматов как восточная инновация (Скрипкин, 2005, с. 171—185). Большинство всех этих вещей исчезает вместе с комплексом раннесарматской культуры и не имеет своего продолжения в I—II вв. н.э.

Процесс формирования каждой из сарматских культур имел две составляющие — эволюционную и инновационную. В становлении среднесарматской культуры доминировала последняя. Во II в. до н.э. в раннесарматской культуре фиксируются инновации в вещевом материале, но они кардинально не меняли ее облика. Она продолжала оставаться раннесарматской по всем показателям погребального обряда и ведущим категориям материальной культуры, сохраняя линию генетической преемственности с предшествующим этапом. В период становления среднесарматской культуры абсолютное большинство элементов, составлявших позднепрохоровский вещевой комплекс, исчезает, уступая место следующей волне инноваций, имевших уже совершенно иные истоки, чем во II в. до н.э. Видимо, эта волна имела и другие масштабы, если мы наблюдаем столь сильную трансформацию погребального обряда и комплекса вещевого материала. Носителями этих новаций, скорее всего, выступали кочевники восточного происхождения, ставшие известными нам под именем аланов.

Примечания

- Амбулатов И. М. Ново-Калкашинский могильник на р. Стерля // Уфимский археологический вестник. Уфа, 1998. Вып. 1.
- Балабанова М. А. Антропология древнего населения Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Ранний железный век. М., 2000.
- Васильев В. Н., Сиротин С. В. Новомусинский 3 курган // УАВ. Уфа, 2004. Вып. 5.
- Глебов В. П. Хронология раннесарматской и среднесарматской культур Нижнего Подонья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Краснодар, 2004.
- Граков Б. Н. ΓΥΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΥΜΕΝΟΙ (Пережитки матриархата у сарматов) // ВДИ. 1947. № 3.
- Дворниченко В. В., Малиновская Н. В., Федоров-Давыдов Г. А. Раскопки курганов в урочище Кривая Лука в 1973 г. // Древности Астраханского края. М., 1977.
- Дьяченко А. Н., Мэйб Э., Скрипкин А. С., Клепиков В. М. Археологические исследования в Волго-Донском междуречье // НАВ. Волгоград, 1999. Вып. 2.
- Железчиков Б. Ф. Памятники IV—III вв. до н.э. // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. II: Раннесарматская культура. М., 1997.
- Ильюков Л. С., Власкин М. В. Сарматы междуречья Сала и Маныча. Ростов-на-Дону, 1992.
- Клепиков В. М. Сарматы Нижнего Поволжья в IV—III вв. до н.э. Волгоград, 2002.
- Клепиков В. М., Скрипкин А. С. Хронология раннесарматских памятников Нижнего Поволжья // НАВ. Волгоград, 2002. Вып. 5.
- Клепиков В. М., Шинкарь О. А. Раннесарматские погребения курганного могильника у села Перегрузное // МАВДС. Волгоград, 2004. Вып. 2.
- Мамонтов В. И. Раннесарматское погребение из кургана у пос. Вертячий на Дону // Древние культуры Подонья. Луганск, 1993.
- Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII—II вв. до н.э. Саратов, 1999.
- Мошкова М. Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М., 1974.
- Мышкин В. Н., Скарбовенко В. А., Хохлов А. А. Кочевники Самарского Поволжья во второй половине I тысячелетия до н.э. // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология: Материалы IV международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Самара, 2000. Вып. 1.
- Ростовцев М. И. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма // МАР. 37. Пгр., 1918.
- Садыкова М. Х., Васильев В. Н. Поздние прохоровцы в Центральной Башкирии // Уфимский археологический вестник. Уфа, 2001. Вып. 3.
- Сергацков И. В. Новые данные к хронологии раннесарматской культуры // РА. 1995. № 1.
- Сергацков И. В. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград, 2000а.
- Сергацков И. В. О конечной дате раннесарматской культуры // НАВ. Волгоград, 2000б. Вып. 3.
- Сергацков И. В. Анализ сарматских погребальных памятников I—II вв. н.э. // Среднесарматская культура. Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. М., 2002. Вып. III.
- Сергацков И. В. Проблема становления среднесарматской культуры // Раннесарматская и среднесарматская культуры: проблемы соотношения. Материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Волгоград, 2006. Вып. I.
- Симоненко А. В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.
- Симоненко А. В. Сармати північного Причерномор'я. Хронологія, періодизація та етно-політична історія: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Київ. 1999.
- Скрипкин А. С. О хронологии сарматской культуры // Археология восточно-европейских степей. Саратов, 1989.

- Скрипкин А. С. Азиатская Сарматия: проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов, 1990а.
- Скрипкин А. С. О конечной дате раннесарматской культуры в Нижнем Поволжье // Вопросы археологии юга Восточной Европы. Элиста, 1990б.
- Скрипкин А. С. Об уточнении хронологии сарматских культур // Проблемы хронологии сарматской культуры. Саратов, 1992.
- Скрипкин А. С. Анализ сарматских погребальных памятников III—I вв. до н.э. // Раннесарматская культура. Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. М., 1997. Вып. II.
- Скрипкин А. С. К проблеме выделения сарматских памятников Азиатской Сарматии II—I вв. до н.э. // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология: материалы IV междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Самара, 2000а. Вып. 1.
- Скрипкин А. С. Новые аспекты в изучении истории материальной культуры сарматов // НАВ. Волгоград, 2000б. Вып. 3.
- Скрипкин А. С. Сарматские мечи с кольцевидным навершием // II Городцовские чтения. Материалы научной конференции, посвященной 100-летию деятельности В. А. Городцова в ГИМ. Апрель 2003. Труды ГИМ. Вып. 145. М., 2005.
- Скрипкин А. С., Клепиков В. М. Хронология раннесарматской культуры Нижнего Поволжья // Сарматские культуры Евразии: проблемы регионально хронологии. Доклады к 5 международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар, 2004.
- Смирнов К. Ф. «Амазонка» IV в. до н.э. на Дону // СА. 1982. 1.
- Шилов В. П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. М., 1975.
- Яблонский Л. Т. Проблема хронологии и типологизации сарматских культур на современном этапе их изучения (в свете новейших материалов из Южного Приуралья) // Региональные особенности раннесарматской культуры. Волгоград, 2007. Вып. II.

О. И. Куринских

г. Москва

ВИДЫ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В МОГИЛЬНИКАХ У С. ПОКРОВКА (САВРОМАТСКАЯ И РАННЕСАРМАТСКАЯ ЭПОХИ)

Могильники у села Покровка, находящегося на территории Соль-Илецкого района Оренбургской области, расположены в месте впадения в р. Илек его левого притока р. Хобда (Рис. 1). Еще в начале XX века в районе с. Покровка были раскопаны два кургана, о результатах раскопок которых сохранились лишь неполные сведения. Первоначально курганы у с. Покровка были раскопаны кладоискателями в 1911 г. Доисследование курганов, разграбленных крестьянами, было поручено члену ОУАК — оренбургскому археологу — И. А. Кастанье (Кастанье, 1913). Материалы его раскопок использовал в своей обобщающей работе М. И. Ростовцев (1918). В книге помимо публикации материала из этих курганов автором предпринят подробный анализ погребального обряда и инвентаря. М. И. Ростовцев путем сравнительных аналогий с погребениями юга России датирует данные комплексы VI—V вв. до н.э. (Ростовцев, 1918).

По прошествии почти столетия пять могильников археологического микрорайона у с. Покровка были раскопаны полностью в течение периода с 1992 по 2002 гг. экспедицией Института археологии РАН под руководством доктора исторических наук Л. Т. Яблонского и В. Ю. Малашева. Раскопки проводились при поддержке Казахско-Американского исследовательского проекта — Беркли, Калифорния, США (KARP)¹. Основные результаты работ были опубликованы (Моргунова, Трунаева, 1993; Яблонский и др. 1993; Яблонский и др. 1994; Яблонский и др., 1995; Яблонский и др., 1996; Яблонский, 1998, 1999; Малашев и др., 2001; Малашев, Яблонский, 2003; Малашев, Яблонский, 2004а,б,в; Малашев, Яблонский, 2005).

Кратко характеризуя материал по могильникам, можно отметить следующее.

ПОКРОВКА I. Могильник расположен в 3 км к востоку от села на первой надпойменной террасе левого берега р. Хобда и на правом берегу сухого ныне русла ручья, впадавшего в

¹ KARP. Berkeley. Walnut, 1607. 94709. California. USA. Исполнительный директор проекта — Дж. Дэвис-Кимболл. Президент — Уоррен Мэтью.